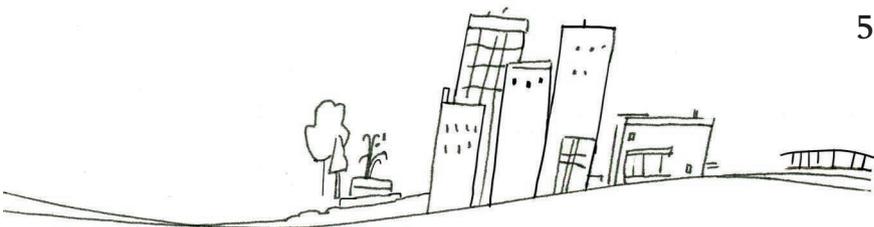

— Следующая остановка — «Троллейная». Конечная, — послышался знакомый электронный голос.

На окне, возле которого я сижу, знакомая трещина в виде буквы «у», только с хвостиком в другую сторону. В трамвае всего два пассажира: мужчина в деловом костюме и девочка-школьница. Они уже встали возле выхода, торопятся по своим делам. У девочки красивый рюкзак — розовый, с изображением кошки. Я всегда разглядываю рюкзаки школьников. Думаю, какой бы выбрала, если бы ходила в школу.

Обычно я выхожу на «Троллейной», чтобы немного прогуляться и съесть бутерброд

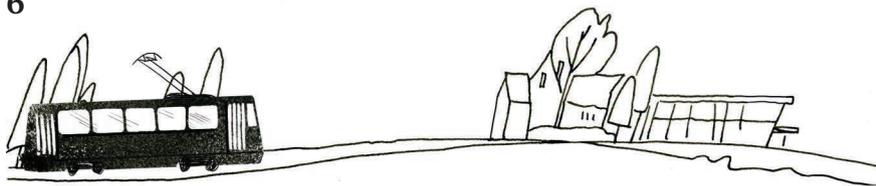
из киоска на остановке. Наш трамвай отправится в обратный путь через двадцать минут. За это время нужно хорошенько надышаться свежим воздухом, ведь поездка в одну сторону занимает целый час.

— С колбасой не было, только с семгой, — мама протянула мне бутерброд в бумажном пакетике.

Я поморщилась — не люблю семгу. Да и кто вообще придумал бутерброды с рыбой? Они, наверное, только на «Троллейной» и продаются.

Моя мама — кондуктор трамвая. На конечных остановках она почти всегда выходит поговорить с нашим водителем дядей Колей. Вернее, говорит в основном мама, а дядя Коля курит и кивает на каждую ее фразу.

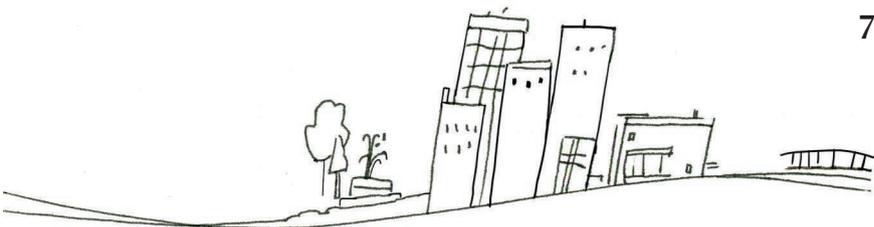
Честно говоря, дядю Колю я совсем не люблю. Именно он настоял, чтобы я называла его дядей. Это было год назад, когда мы только познакомились. До него водителем у нас был

Андрей Геннадьевич, который, хоть и не просил называть себя дядей, иногда разрешал понажимать кнопки в кабине водителя и покупал летом мороженое.

Кстати, мама часто поправляет меня и говорит, что трамваем управляет вагоновожатый, а не водитель, потому что трамвай — не автобус. И вообще — не трамвай, а трамвайный вагон. По рельсам же ходит.

Я прогулялась по небольшому заброшенному парку возле «Троллейной». Середина дня — время, когда по городу шатаются школьники. От малышни с огромными рюкзаками до старшеклассников с цветными волосами и проколотыми носами. Наверное, если бы я училась в школе, тоже гуляла бы по городу после уроков с одноклассниками. Но у меня нет ни школы, ни одноклассников, ни даже друзей. Только трамвай номер семь, мама-кондуктор и усатый дядя Коля — водитель без переднего верхнего зуба.

* * *

— Пора! — позвала меня в трамвай мама.

Мы отправимся ровно через три минуты — в 14:45. Да, я наизусть знаю расписание нашего трамвая, ведь езжу на нем по шестнадцать часов два дня подряд. Следующие два дня сижу дома над учебниками и общаюсь с учителями. И так по кругу — два через два.

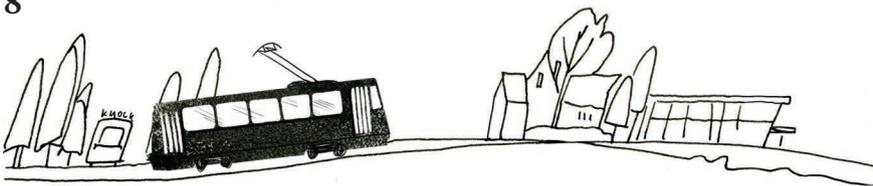
— Следующая остановка... — начала электронная женщина.

— «Цирк», — закончила я фразу.

Мы двинулись. Мама обычно говорит «тронулись», но мне это слово не нравится.

Я сижу далеко от места кондуктора, в конце трамвая у окна, как обычный пассажир. Не хочу, чтобы все знали, что езжу с мамой. Пусть думают, что обычная девочка-школьница едет на занятия по фортепиано или в художественную школу. Ведь уже вторая половина дня, в обычную школу я ехать не могу.

8

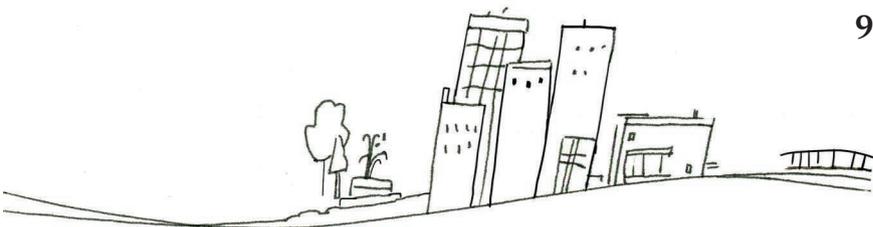

До «Цирка» пять минут езды. Кстати, самого цирка тут нет. Сгорел примерно семь лет назад, а на его месте так ничего и не построили. Цирк сгорел, а название остановки осталось. Странно, правда?

Привычная неправильная буква «у» на стекле стала расплываться. Дождь. Значит, скоро будет много пассажиров. Видимо, когда идет дождь, людям все равно, на какой трамвай садиться — седьмой или двенадцатый. Лишь бы укрыться и переждать непогоду в тепле.

Я аккуратно погладила трещину на окне, будто попыталась вытереть ее от воды. Но трещина снаружи, а я — внутри. Не вышло.

В салон ввалились мокрые пассажиры. Они пихались зонтами, смахивали с себя капли небесной воды, фыркали и всячески выражали свое недовольство. Рядом со мной сел мужчина лет сорока. Он аккуратно сложил зонтик, закрепил маленькой ленточкой на липучке и положил на колени. Я мельком

глянула на его правую руку — не женат. Даже если женат, но кольцо не носит — это все равно что не женат, я так считаю. Ведь когда люди вместе, они хотят рассказать об этом всему миру. А если снял кольцо, то молчишь.

Мы проехали улицы Никитина и Добролюбова. Здесь небольшой частный сектор с деревянными домами.

— Уступи! — послышался сзади взрослый женский голос.

— Это мое место, — ответил кто-то явно более молодой.

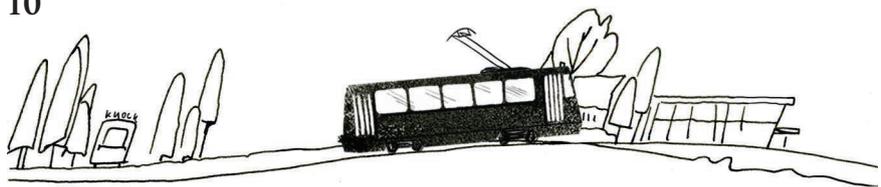
— Тебе сколько лет? — возмутилась женщина.

Обычные ежедневные разборки в трамвае.

— Тринадцать. Я первая сюда села, — без особой вины произнес молодой голос.

Мне тоже тринадцать. Но уступить место меня еще никто и никогда не просил.

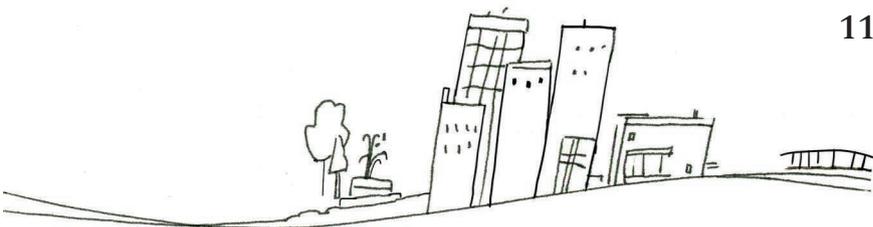
— А бабушке восемьдесят. Уступи!

Дальше молчание. Ужасно хотелось обернуться и посмотреть. Что там за девушка, интересно? Наверняка с наушниками в ушах и крашеными черными волосами. Почему именно черными — не знаю. Так представилось. А женщина, которая просит уступить место, толстая, с огромными пакетами и сумками. Скорее всего, сидит рядом. Может, они даже мама и дочь.

Неправильная «у» расплылась еще больше. Мама ходила по салону со своей обычной миссией, а я смотрела на унылые мокрые улицы. Каждый раз они разные, эти улицы. Туда — солнечные, обратно — тусклые. Сейчас вот унылые и плачущие.

«Рынок», «Универмаг», «Горбольница», и вот наконец «ДК “Строитель”» — самая интересная остановка. Тут фонтан с разноцветной подсветкой и сцена, на которой по праздникам выступают таланты нашего города. И еще здесь мы стоим особенно долго — минуту или

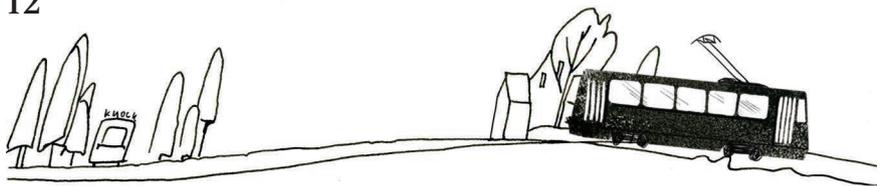

две. Ведь народу на этой остановке обычно много.

— Хамка! — рявкнула женщина сзади, которая не так давно просила уступить бабушке место.

На этот раз я повернулась неожиданно для самой себя. Действительно, толстая и с пакетами. Она продвигалась к выходу.

Пока мы стояли, я пыталась разглядеть сквозь дождь фонтан. Но в окне были видны лишь разноцветные отблески огоньков. Жаль, ведь, когда мы поедем обратно к «Троллейной», я буду сидеть с другой стороны и не увижу фонтана. Конечно, я могу сесть на любое место, а не около моей любимой оконной трещины, но это не по правилам. Я сама так решила: всегда сидеть возле неправильной «у». Пусть оно глупое и никчемное, это правило. Пусть. Но мне необходимо устанавливать какие-то границы. Как в школе — посадили с Петровым, и только попробуй

пересесть! Так там устроено, я это знаю, хоть и не хожу в школу.

Следующая остановка — «Технический лицей». Ее я тоже люблю, тут заходит много школьников. Можно будто невзначай подслушать их разговоры, понаблюдать. Даже если смотреть на них в упор, они не заметят. Слишком заняты разговорами, даже иногда забывают заплатить за проезд. Мы с мамой придумали способ разоблачения зайцев. Когда слишком много народа и кто-то не покупает билет, я вычисляю его и незаметно указываю маме. Обычно зайцами оказываются именно школьники.

Двери трамвая резко открылись. И вот они — громкие и никого не стесняющиеся подростки, как их называет мама. Лично я против такого наименования. Звучит грубо и с пренебрежением, как «недоросль» или «недочеловек». Под-росток. Недоросток. Непонятно кто или что. Как пробившийся

